Многоукладность современного этнического региона России: архаизация, аграризация и миграции (на примере Республике Тыва)

Т.Ю. Гусаков

Тимур Юрьевич Гусаков, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

В статье рассматриваются особенности современного сельского развития этнического региона Российской Федерации на примере Республика Тыва. В 2017 году, по данным официальной статистики, этот регион был назван беднейшим по доле сельского населения, живущей за чертой бедности. Эта ситуация сложилась из-за целого ряда факторов, углубляющих депрессивность Тувы: периферийность и удаленность от экономических центров, стагнация и невозможность ревитализации промышленного комплекса, разрушение сельскохозяйственного сектора, высокая доля теневой экономики и прочее. Причиной стагнации экономики следует считать аграрный путь Тувы, избранный региональной элитой. Он проявляется в поддержании мелкого архаичного сельскохозяйственного производства как этнического вида деятельности тувинцев.

В статье описаны векторы современного развития сельской местности Республики Тыва, ее экономическая и этносоциальная специфика, а также изменения, связанные с притоком в региональную экономику значительных трансфертов из федерального бюджета. В настоящее время наблюдается пространственная поляризация территории, сельская депопуляция охватывает депрессивные аграрные районы региона, а основными центрами стягивания населения остаются города, в первую очередь Кызыл.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельское расселение, этнический регион, миграции, пространственная мобильность, Республика Тыва

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-4-76-95

На пороге XXI века развитые мировые державы совершили демографический переход в фазу демографической стагнации и сокращения сельского населения. Постиндустриальное общество выбрало альтернативный аграрному и индустриальному путь развития, концентрируясь на расширении сектора сферы услуг. Но развивающиеся страны не могут догнать по темпам развития постиндустриальные государства, подтверждая гипотезу Эрика Райнерта, изложенную им в книге «Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными» (Райнерт, 2017).

Нарастание продовольственного кризиса и уточнение академическим сообществом пределов роста человечества заставляют задумываться о перспективах распространенной сегодня культуры потребления и появившихся в конце XX века глобальных экологических проблемах (разрушение озонового слоя, таяние многолетней мерзлоты, повышение уровня Мирового океана и пр.). В свете этих угроз всплывает тема экологизации промышленного и аграрного производства с целью снижения антропогенной нагрузки на биосферу.

Россия в этом контексте относится к высшей границе развивающихся стран по уровню развития общественных институтов и экономики. Постепенное завершение демографического перехода и сворачивание неэффективного сельскохозяйственного производства в Нечерноземье встраивают российское общество в глобальные процессы, которых удавалось избегать продолжительное время благодаря советскому индустриально-аграрному подходу. Но масштабы России и ее неоднородность не позволяют говорить о ней однозначно. Нечерноземные регионы активно высвобождаются от избыточной населенности сельских территорий, а регионы Северного Кавказа, напротив, страдают от аграрного перенаселения. И дистанция отставания бедных от развитых регионов лишь увеличивается. Проблемы отстающих регионов стоят на повестке дня Правительства РФ и лично курируются руководителями министерств.

Однако экономическое отставание аграрных регионов не единственная проблема. Стагнация и депопуляция российских сельских территорий возведена в ранг национальной катастрофы — в мае 2019 года была принята государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», направленная на улучшение условий жизни и развитие инфраструктуры сельских территорий, переживающих социально-экономический кризис. После 1991 года сельские территории «осиротели» вследствие разрушения каркаса хозяйственного комплекса деревни — коллективных хозяйств. Резкий рост безработицы и снижение уровня благосостояния привели к оттоку населения из депрессивной сельской местности. Особенно остро проблема депопуляции ощущалась в регионах неплодородной средней полосы России. Современное сельское население страны также переживает трансформацию: его численность, накопившаяся в российской деревне к началу 1990-х годов, все еще неэффективно велика, поэтому продолжается отток жителей из сельской местности.

Однако воспринимать эту депопуляцию лишь как отрицательное явление нельзя, она имеет и положительные эффекты. К ним можно отнести: снижение аграрного перенаселения российских регионов, ликвидацию неэффективных сельскохозяйственных предприятий и вывод неплодородных земель из сельскохозяйственного оборота, стихийное формирование качественного состава населения сельской местности и пр.

Попытки административного сдерживания депопуляции не принесли желаемого результата из-за отсутствия сбалансированной стратегии поддержания сельскохозяйственных производителей, отчасти поэтому попытки трансформации громоздких коллективных хозяйств в конъюнктурно гибкие фермерские изначально не увенчались успехом. Но постепенно объем сельскохозяйственной продукции, произведенной крестьянскими фермерскихи хозяйствами в России, возрастает. Так, по итогам 2017 года он составил около 30 % от совокупной сельскохозяйственной продукции (Регионы..., 2018: 706).

Проблемы сельских территорий в регионах России разнятся, однако в исследованиях ученых, как правило, рассматриваются тренды, распространенные в европейской части России, в то время как эта проблематика более актуальна для регионов, где еще есть перспективы аграрного развития. К их числу относятся национальные республики Северного Кавказа, Поволжья, северные регионы Сибири и Дальнего Востока. Какие-то из них более урбанизированы и дальше отошли от аграрного пути, какие-то более традиционны и до сих пор ориентированы на развитие сельскохозяйственной сферы. В данной статье речь пойдет об особенностях сельского развития традиционных аграрных областей, сохранивших сельскохозяйственную специализацию с преобладавшим в недавнем прошлом преимущественно кочевым укладом жизни. К ним относятся северные территории расселения малочисленных народов Крайнего Севера (Ненецкой автономный округ, автономные округа Тюменской области, север Красноярского края, Якутия, север Магаданской области, Хабаровского и Камчатского края, Чукотский автономный округ и др.), Калмыкия, Бурятия, отдельные районы Забайкалья и Республика Тыва.

Картина жизни номадов и их аграрного уклада в разных регионах существенно разнится. На уровень их развития не влияет размер поголовья скота, аграрный энтузиазм или предпринимательские способности жителей. Сегодня технологическое оснащение кочевников коррелирует с развитостью их национальных регионов проживания, поскольку от этого зависит объем помощи, которую им оказывает местное правительство. Малочисленные северные народы, проживающие на территориях с активной добычей полезных ископаемых, наиболее состоятельны и лучше интегрированы в научно-технический прогресс, широко используя его достижения в сельскохозяйственной деятельности (см.: Вопросы..., 2009). Напротив, калмыки, буряты и тувинцы лишены его благ из-за бедности регионов проживания и незначительности помощи коренному населению.

К числу таких регионов относится Республика Тыва (Тува), объявленная Правительством России самым бедным регионом, занимающая последнее место и по уровню бедности сельских жителей (Голикова..., 2019). Безусловно, это заявление Правительства

нельзя трактовать буквально, значение бедности в Туве преувеличено, поскольку не учитываются недекларируемые доходы от развитой неформальной экономики и самозанятости сельских жителей.

С 2015 года в Туве реализуется ряд проектов по поддержке сельскохозяйственной деятельности как одного из традиционных занятий коренного населения. Можно даже говорить об аграрной специализации региона как одном из векторов дальнейшего развития республики. С точки зрения продвижения глобального экологического тренда аграрную ориентацию Тувы можно рассматривать как вариант распространения экологических практик в среде сельского населения.

Под экологическим практиками в российской науке традиционно понимают современные инициативы, связанные с применением экоориентированных высокотехнологичных приемов в сельскохозяйственном производстве (например, применение капельного орошения). Но это не совсем верно, поскольку примитивное сельское хозяйство с большим количеством ручного труда в этнических аграрных районах России также экологично, ведь в сельскохозяйственной деятельности не применяются экологически опасные методы (использование пестицидов и антибиотичестких средств и пр.). Подобная экологическая среда сложилась в Республике Тыва и связана с индустриальным отставанием сельского хозяйства.

Теме сельскохозяйственной специфики и освоения, развития сельских территорий Республики Тыва посвящены работы многих исследователей. Впервые тувинское население подробно изучено геодезистом Е. Пестеревым во время экспедиции на Саяны в 1772–1781 годы, позже исследованиями Тувы также занимались А.М. Кастрен, Л. Шварц, П.Е. Островских, Ф. Кон, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.Н. Васильев, Д. Каррутерс, А. Беннигсен и другие ученые в рамках географических экспедиций в Урянхайский край (см.: Вайнштейн, 1961: 8–11).

Наиболее интересны работы по изучению социально-экономического развития советской Тувы А.Д. Бегзи, Е.Е. Тиниковой, Ч.Т. Кызыл-оола и А.О. Дыртык-оол (см.: Бегзи, 2017; Тиникова, 2018; Кызыл-оол, 1975; Дыртык-оол, 2017). Авторы проанализировали особенности сельскохозяйственного освоения региона в условиях директивной экономики советского государства с целью определения эффективных практик, которые возможно использовать сегодня. В трудах этнографов М.Г. Левина, Е.Д. Прокопьевой, С.И. Вайнштейна на основе многолетнего изучения субэтноса в 1950-х годах дается подробное описание хозяйственных, этнокультурных и прочих особенностей тувинцев-тоджинцев (см.: Левин, 1955; Прокопьева, 1954; Вайнштейн, 1961).

Наиболее полно изучен современный этап развития региона. Так, сельское хозяйство, сельские территории и особенности их трансформации в условиях рыночной экономики рассматриваются в работах З.В. Анайбан, Г.Ф. Балакиной, С.П. Монгуш,

А.Ч. Кылдыгай, А.А. Нурзат, Ш.В. Хертек и других ученых (см.: Анайбан, 2014; Балакина, 2015; Монгуш, 2015; Нурзат, 2014; Хертек, 2017). Авторы акцентируют внимание на преодолении социально-экономических трудностей, с которыми столкнулась Тува после 1991 года: высокий уровень безработицы, стагнация сельскохозяйственного и промышленного производства, маргинализация населения, необходимость пересмотра архаичной специализации территорий.

Однако вопрос экологизации малого сельскохозяйственного производства недостаточно изучен из-за отсутствия его в повестке дня у руководства региона. Тренд архаизации, традиционализма и натурализации сельского хозяйства, который распространился в республике в последние десятилетия, не предполагает внедрения инновационных практик в сельской местности. Но экологический путь Тувы как раз и заключается в переходе к досоветским[1] кочевым формам сельскохозяйственной деятельности.

В основу статьи были положены материалы, полученные в полевых исследованиях в Каа-Хемском и Кызылском кожуунах (муниципальных районах) Республики Тыва в августе 2019 года. Нами была собрана социологическая (интервьюирования сельских жителей и местных чиновников) и статистическая информация.

Немного истории

Республика Тыва вошла в состав СССР лишь в 1944 году. До этого года существовала Танну-Тувинская Народная Республика — буферное государство между Советским Союзом и сферой влияния Японской империи в гоминьдановском Китае. Из-за относительно небольшого срока нахождения в составе России и географической удалённости от основных экономических центров здесь сформировался самобытный традиционалистский регион.

В XXI веке Республика Тыва остается слабо индустриализированным регионом с сельскохозяйственной специализацией. При этом большая часть производства сельскохозяйственной продукции приходится на хозяйства населения, а не на крупные и средние предприятия. В силу природно-климатических условий и традиционных устоев для всех районов Тувы характерен животноводческий тип хозяйствования.

1. Практически все населенные пункты современной Тувы были основаны русскими поселенцами (староверами, духоборцами, казаками), освоившими Урянхайский край в конце XIX — начале XX веков. Тувинское население состояло из кочевых аратских хозяйств и начало седентаризироваться лишь после образования Тувинской Народной Республики в 1921 году (см.: Нурзат, 2014).

После 1991 года на республику распространился общий кризис сельскохозяйственного производства, связанный с тотальным банкротством коллективных хозяйств, являвшихся каркасом аграрного региона. Попытки замены коллективных хозяйств фермерскими не были успешными из-за отсутствия энтузиазма у населения и непоследовательной административной поддержки. Это привело в 1990-е годы к резкому сокращению поголовья скота, забрасыванию сельскохозяйственных угодий, распаханных во время «целинной кампании» 1970-х годов, скачкообразному росту безработицы и миграции сельского населения в пригородные районы Кызыла и соседние регионы (Республика Хакасия, Красноярский край).

Сокращение численности населения в сельской местности и сворачивание сельскохозяйственного производства вызывало беспокойство у руководства бедного аграрного региона. Поэтому с начала 2000-х годов шел поиск мер по сдерживанию миграции и выводу сельского хозяйства из затяжного кризиса. Приоритетным направлением государственной поддержки сельских жителей было выбрано стимулирование самозанятости, в первую очередь на базе личных подсобных хозяйств (ЛПХ).

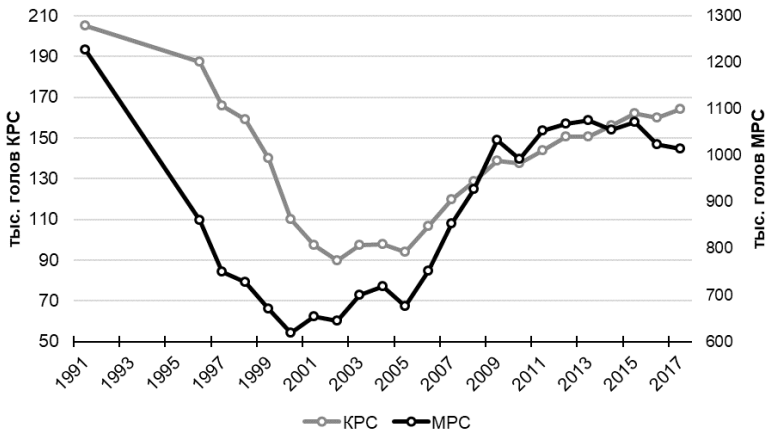

Рис. 1. **Поголовье крупного и мелкого рогатого скота в Республике Тыва**

Источники: Регионы, 2018: 698; Республика…, 2012: 39; Сельское…, 2003: 319

Исследователь С.П. Монгуш считает, что самозанятость скотоводов — наиболее эффективная форма сельскохозяйственной занятости населения в Туве (Монгуш, 2015: 2109–2122). В регионе сложились следующие условия, способствующие ее развитию: большой природно-ресурсный потенциал (пастбища, свободные территории для земледелия), деградация сферы социальных и бытовых услуг в сельской местности, неразвитость кооперации в торговле и материально-техническом снабжении населения.

Республика Тыва находится в зоне рискованного земледелия. Основные отрасли сельского хозяйства — растениеводство, птицеводство, однако ведущим направлением является мясомолочное скотоводство. В регионе с учетом степени использования производственного потенциала, разнообразия природных условий в большинстве районов сложилась четкая специализация сельскохозяйственного производства:

- в центрально-подтаежно-степной зоне — мясомолочное скотоводство, мясошерстное овцеводство, пригородное овощекартофелеводческое производство, птицеводство (Пий-Хемский, Кызылский, Улуг-Хемский, Чеди-Хольский кожууны);
- в западно-степной зоне — мясное скотоводство, мясошерстное овцеводство, козоводство и яководство (Монгун-Тайгинский, Бай-Тайгинский, Барун-Хемчикский, Сут-Хольский, Дзун-Хемчикский, Чаа-Хольский, Овюрский кожууны);
- в южной зоне сухих степей — грубошерстное овцеводство, мясное скотоводство, козоводство и табунное коневодство (Эрзинский, Тес-Хемский, Тандинский кожууны);
- в восточной лесостепной зоне — мясомолочное скотоводство и оленеводство (Тоджинский, Тере-Хольский, Каа-Хемский кожууны).

Самыми аграрными районами региона являются западные и юго-восточные кожууны, а также Пий-Хемский кожуун, расположенный в пригородной зоне влияния Кызыла.

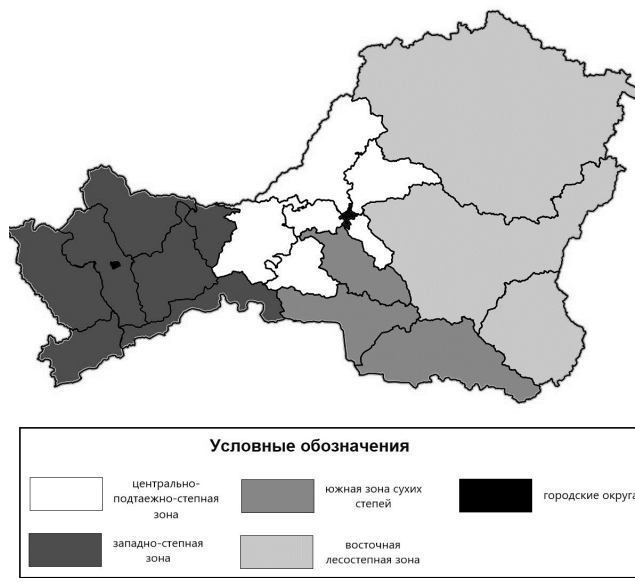

Рис. 2. **Сельскохозяйственное районирование Республики Тыва**

Источник: Стратегия..., 2018

До 1991 года на территории Тывы действовала система коллективных хозяйств, возникшая после 1921 года. Переход к социалистической модели в Тувинской народной республике способствовал отказу от традиционной кочевой системы хозяйствования (подробнее о процессе седентаризации см.: Харунова, 2011: 266–270). Сегодня в регионе наблюдается обратный процесс номадизации определенных слоев сельского населения, в первую очередь жителей, расположенных к ведению сельскохозяйственной деятельности.

Банкротство коллективных хозяйств и отсутствие альтернативных форм легальной занятости привело к повышению уровня безработицы и аграрному перенаселению сельской местности республики, что в свою очередь поспособствовало распространению различных вариаций самозанятости сельских жителей.

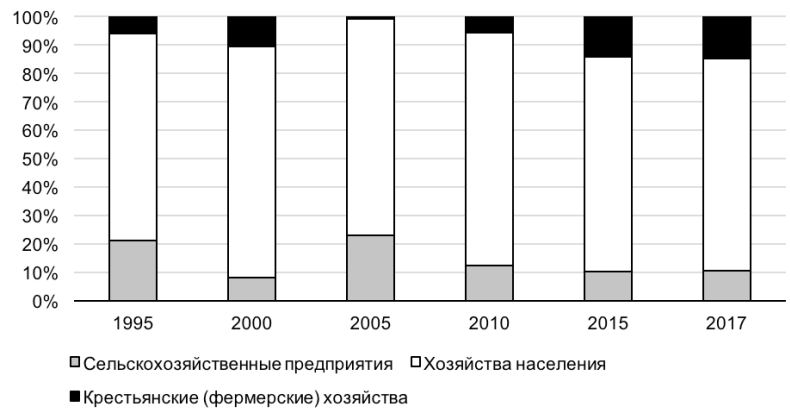

Рис. 3. **Структура поголовья скота по категориям хозяйств Республики Тыва**

Источники: Регионы, 2018: 707; Республика…, 2012: 39; Сельское…, 2003

Самозанятость в сельской местности проявилась в традиционной трудовой специализации населения — сельскохозяйственной деятельности, базирующейся на диверсификации личных подсобных хозяйств. Возрождение класса аратов — крестьян-скотоводов — происходило на всей территории региона в качестве оптимальной стратегии борьбы с бедностью. Таким образом, в настоящее время большую долю сельскохозяйственной продукции животноводства производят хозяйства населения (см. рис. 3). Попытки властей легализовать деятельность чабанов постепенно приводят к увеличению доли фермерских хозяйств в животноводческом производстве.

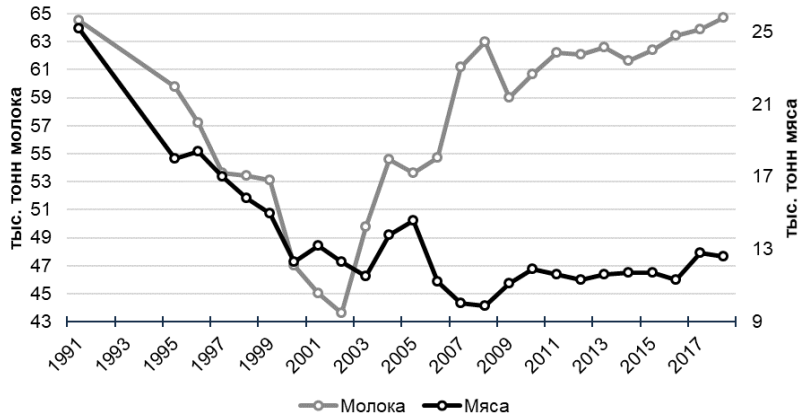

Рис. 4. **Производство молока и мяса в Республике Тыва**

Источники: Сельское…, 2003: 345–349; Регионы…, 2018: 712–714

Продажа сельскохозяйственной техники обанкротившимися коллективными хозяйствами «за Саяны» (в Красноярский край и Хакасию) привела к сокращению производства продукции растениеводства в 1990-е годы. Однако сегодня происходит возрождение данной отрасли на базе сельскохозяйственных предприятий, расположенных в кожуунах западно-степной зоны.

В этническом отношении население региона однородно: большинство составляют тувинцы, на втором месте этническая группа тувинцев-тоджинцев, компактно проживающих на территории Тоджинского кожууна, труднодоступного природного резервата, отличающегося суровым резкоконтинентальным климатом, разреженной системой расселения и инфраструктурой. Значительным этническим меньшинством являются русские, населяющие регион с конца XIX века.

Однородность этнического состава и абсолютное доминирование тувинцев обусловили специфику хозяйствования в сельской местности Тувы. В административно-территориальном отношении в регионе сформирована этническая система деления, единицей которого является сумон (аналог сельского поселения, распространенного в современной России). В состав сумона входят села, арбаны (мелкие населенные пункты, до 5 дворов), а также чабанские стоянки (кыштаги) — обособленные домовладения, расположенные «глубоко в степи» на значительном удалении друг от друга, а также от объектов инфраструктуры (дорог, линий электропередач и прочих коммуникаций).

Административные инструменты развития

В 1990-е годы после отказа от плановой экономики промышленный сектор, созданный в советский период, несмотря на феде-

ральные трансферты, выделяемые на его поддержание, постепенно деградировал и перешел в состояние стагнации, поэтому региональная элита сделала упор на развитие традиционной сельскохозяйственной сферы. Но резкое падение сельскохозяйственного производства в 1990-е годы требовало от руководства региона принятия неотложных мер по поддержанию мелких сельскохозяйственных производителей, вырабатывающих более 80 % продукции животноводства. Были реализованы следующие проекты: «Кыштаг для молодой семьи», «Утварь для оленеводческой семьи», «Марал-Тува», «Тыва аът», «Корова-кормилица», «Начинающий фермер», «Семейный фермер», направленные на увеличение численности сельского населения, вовлеченного в сельскохозяйственное производство.

Наиболее значительным является губернаторский антикризисный проект «Кыштаг для молодой семьи», запущенный в 2015 году. Он предполагает расширение численности сельскохозяйственных производителей путем создания новых чабанских стоянок и увеличения поголовья скота в регионе. Участникам проекта оказывается финансовая помощь при строительстве жилых и подсобных помещений стоянки, выделение земельных наделов, предоставляется поголовье мелкого рогатого скота в количестве 200 штук, которое через год необходимо передать следующим участникам проекта, оставив себе приплод. На 2019 год в проекте приняли участие более 400 тувинцев.

Пилотный проект Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Тыва «Утварь для оленеводческой семьи» направлен на сохранение популяции домашних оленей субэтнической группе тувинцев-тоджинцев (коренного малочисленного народа Сибири). Популяция домашних оленей сократилась с 12 тыс. в 1980 году до 3,9 тыс. голов в 2017 году. В 2018–2020 годах реализуются мероприятия по повышению качества жизни оленеводов и их семей, переоборудованию оленеводческих стоянок, закупке современной техники, предоставлению льгот детям оленеводов при поступлении в высшие учебные заведения региона. Совершенствуется законодательная база: разработаны проекты законов «О северном оленеводстве Республики Тыва», «О государственной поддержке коренных малочисленных народов Республики Тыва», «О кочевой семье», «О кочевом жилье для работников традиционных отраслей хозяйствования в Республике Тыва».

Проект «Марал-Тува» предполагает создание туристско-оздоровительного комплекса на базе мараловодческого хозяйства «Туран» Пий-Хемского кожууна и получение дополнительной прибыли от увеличения производства продукции мараловодческой отрасли (консервированных пантов) и популяции маралов.

Табунному коневодству посвящен пилотный проект Минсельхоза Тывы «Тыва аът» (2017–2020 годы), целью которого явля-

ется сохранение и увеличение численности популяции лошади тувинской породы путем создания крестьянских фермерских хозяйств и сельскохозяйственных потребительских кооперативов (СПоК)[2].

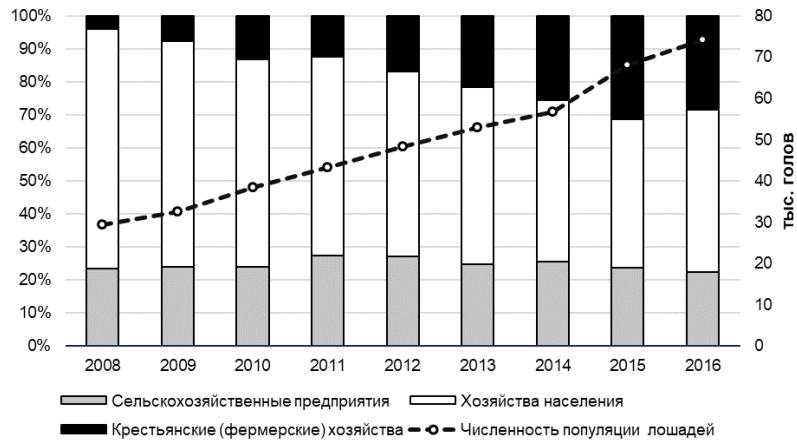

Рис. 5. **Поголовье лошадей в категориях хозяйств Республики Тыва**

Источники: Республика…, 2012: 36; Статистический…, 2016: 164

В регионе имеется ряд проблем, которые предполагается решить после завершения проекта. К ним относятся: ведение учета и отчетности личных подсобных хозяйств, угроза потери генофонда местной тувинской породы лошадей, стравливание табунами пастбищ других видов животных (КРС, МРС), заготовка, хранение и переработка продукции мяса лошадей из отдельных сумонов и стойбищ. Попутно происходит расширение производства кормовой базы.

Кроме того, в регионе осуществляются проекты по поддержанию многодетных и малоимущих семей в сельской местности: «Корова-кормилица» (выделение семьям коровы с теленком), «Социальный картофель» (выделение посадочного картофеля), «Социальный уголь» (выделение угля семьям, проживающим в домах с печным отоплением). Все они направлены на сдерживание депопуляции сельских территорий и сохранение традиционного сельского уклада тувинцев.

2. Создание и развитие СПоК параллельно поддерживается федеральным проектом «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации».

Компактное проживание тувинцев в регионе сформировало особые условия для развития личных подсобных хозяйств в сельской местности. Они и являются основными очагами экологизации сельского хозяйства региона, поскольку крупные производители и фермерские хозяйства имеют финансовые возможности для применения технологий в сельскохозяйственной деятельности.

Рис. 6. **Картосхема размещения чабанских стоянок Кызылского кожууна (2019 г.)**

Источник: составлено по материалам полевых исследований

Традиционной единицей тувинской сельской общины являются кыштаги (зимнее стойбище), которые располагаются по всей территории региона. Подобные виды домохозяйств характерны для регионов Бурятии, отдельных районов проживания бурятов в Забайкальском крае и Иркутской области, Туве, Калмыкии, на Алтае, чье основное население перешло к оседлости лишь в XX веке. Стоянки бывают двух видов — капитальные и временные. Капитальные стоянки распространены в тяготеющих к городам кожуунах и представляют собой комплекс жилых и подсобных помещений, где проживает оседлая семья чабана (крестьянина-скотовода) и его скот (лошади, крупный и мелкий рогатый скот, верблюды).

Для кочевых тувинцев из периферийных районов характерно отсутствие постоянного местоположения кыштага. Вместо этого существуют четыре места для стоянки, куда в зависимости от сезона мигрирует чабан с семьей и стадом. В осенний и весенний сезоны стоянки размещаются в удалении от дорог (в глубине степи), в летний и зимний периоды чабанские стоянки тяготеют к лесостепной зоне. Таким образом годовой хозяйственный цикл кочев-

ки тувинцев зависит от сезонности, наличия и качества кормовой базы на пастбищах.

Таблица 1. **Чабанские стоянки сумонов Каа-Хемского кожууна Республики Тыва**

Сумон	Численность населения	Количество чабанских стоянок	Численность населения на чабанских стоянках
Суг-Бажы	943	42	63
Бурен-Хем	1113	14	28
Кундустуг	749	11	12
Бояровка	683	12	28
Кок-Хаак	534	3	15
Сарыг-Сеп	5702	7	15
Дерзиг-Аксы	1147	5	9
Усть-Бурен	709	22	51
Сизим	934	0	0
Бурен-Бай-Хаак	1389	8	8
Ильинка	1041	5	5

Источник: Социально-демографический…, 2019

В собственности чабана находится только земля под стоянкой, пастбища и сенокосные луга — в муниципальной собственности, они распределяются на ежегодных тендерах между местными скотоводами. Кроме того, чабаны обычно имеют собственность в селах региона, где постоянно проживают их семьи. На чабанских стоянках чаще всего постоянно проживает старшее поколение тувинцев (пенсионеры), которые занимаются выпасом скота, переработкой мясомолочной продукции, охраной хозяйства от нападения волков[3].

Дети живут на стоянках и участвуют в сельскохозяйственной деятельности лишь в летний период (во время школьных каникул). В периферийных степных районах дети кочевых тувинцев обычно проживают в школах-интернатах в крупных селах, приезжая на стоянки по выходным и на каникулы. В сентябре 2018 года в селе Ийи-Тал Улуг-Хемского кожууна была открыта «Аграрная школа-интернат Республики Тыва» на 176 учеников из чабанских семей.

3. Отстрелом волков занимаются бригады охотников-«волчатников», созданные во многих населенных пунктах региона и имеющие право на отстрел хищников.

В сельской местности существует проблема использования труда несовершеннолетних детей в сельском хозяйстве. Это в первую очередь дети из семей чабанов, а также из неблагополучных семей, официально живущих за чертой бедности (около 41,5 % населения Тувы проживали за чертой бедности в 2017 году), вынужденные работать с ранних лет.

Барьером развития традиционного кочевого животноводства в 1990-е годы можно считать повышенный криминогенный фон в сельской местности. Высокий уровень безработицы, маргинализация значительной части населения и большое количество населения, проживающего за чертой бедности, способствовало возрождению специфического вида нелегальной занятости — конокрадства. Конокрады (или кайгалы) в период перестройки правоохранительной системы воровали скот на чабанских стоянках и продавали его в других районах Тувы и в соседних регионах, но в 2000-х годах в связи с повышением уровня доходов населения и усилением правоохранительных органов конокрадство постепенно сошло на нет.

Для проживающих в районах Крайнего Севера (Тоджинском кожууне) тувинцев-тоджинцев (тувинцы-оленеводы) также характерно преобладание чабанских стоянок. Отличием тоджинцев от степных тувинцев является разведение домашних оленей и занятие охотой (добыча мяса и шкур диких животных). Природная изолированность этого этноса сформировала специфику хозяйственной деятельности: до 1940-х годов тувинцы-тоджинцы проживали в недоступной горно-таежной Тоджинской котловине и не имели контактов с остальными тувинцами (см.: Вайнштейн, 1961).

Сегодня на территории Тоджинского кожууна функционируют 4 оленеводческих хозяйства (МУП «Одуген», СПК «Шулун», КФХ Биченмей А.А., подсобное хозяйство ГБПОУ села Тоора-Хем), которые включают 15 оленеводческих стоянок и 3858 голов оленей (2017 год). Руководство региона реализует программу «Утварь для оленеводческой семьи», цель которой увеличение популяции домашних оленей и повышения качества жизни оленеводов (строительство стационарных оленеводческих баз, проведение селекционно-племенных работ, учет семей оленеводов для стимулирования занятости и самозанятости, улучшение материально-технического оснащения 22 оленеводческих стойбищ и пр.) (Стратегия..., 2018).

Популярность проектов по поддержанию кочевого и сельского образа жизни связана с появившимися тенденциями миграции сельских жителей, в том числе молодежи, в города Тувы и другие регионы России. В результате в регионе наблюдается пространственная поляризация: резкое увеличение численности населения в пригородной зоне Кызыла вызывает обеспокоенность среди региональных чиновников, поскольку инфраструктура г. Кызыла

и пригородных сел Каа-Хем, Сукпак и Ээрбек имеет ограничения[4]. В жилые массивы были превращены земли садовых некоммерческих товариществ (СНТ) в пригородной зоне Кызыла — Левобережные дачи, Вавиловский затон, Догээ, Мелиоратор, Дар и пр. Кризис инфраструктуры и промышленных предприятий города Ак-Довурака, высокий уровень безработицы, ухудшение транспортной доступности привело к оттоку населения из кожуунов «дикого Запада» (западных районов). Относительно высокий уровень рождаемости компенсирует миграционные потери, но маргинализация и распространенность инфекционных заболеваний среди безработного сельского населения приводит к увеличению смертности, в том числе младенческой[5].

В кругу скотоводов, живущих в плохих условиях и из-за этого барьера имеющих небольшие стада скота (до 500 голов), бытуют идеи трудового коллективизма, пропагандируемого еще в советский период. «В советское время у нас все было: свет, зарплаты, корма. Вокруг все распахивалось, а сейчас что?! Ни дорог, ни телевизор посмотреть, ничего власть не помогает... Совхозы развалили, техника ушла за Саяны. Нет никому дела до нас, а мы ведь любим трудится, но это никому не нужно», — говорит один из чабанов Кызылского кожууна. Отсутствие внешней силы, способной оказать содействие в упорядочивании мелкого животноводства и создании для нее инфраструктуры, ограничивает возможность диверсификации производства не только материально, но и ментально.

Личные подсобные хозяйства староверов

Традиционно русское население в Туве проживало в восточных кожуунах (Кызылский, Каа-Хемский и прочие). В советское время из-за развития промышленного производства численность русского населения значительно возросла и люди расселились также в созданных после 1945 года городах (Туран, Шагонар, Чадан, Ак-Довурак), столице региона городе Кызыле и его пригородной зоне (см.: Татаринцева, 2016: 82–90).

Но речь пойдет о русских, которые появились в Туве в конца XIX века во время экспансии Российской империи на территорию китайского Урянхайского края и процессов выдавливания староверов и прочих «вероотступников» на окраины государства. В поисках

4. Подобные сюжеты на примере столицы Бурятии (г. Улан-Удэ) рассматривались А.С. Бреславским (см.: Бреславский, 2014).

5. Для снижения младенческой смертности в кожуунах реализуется региональная программа «Поделись детской кроваткой», в рамках которой обеспеченные семьи безвозмездно передают невостребованные детские кроватки в малообеспеченные семьи, где есть новорожденные.

мест самоизоляции и уединения староверы расселились в наиболее слабоосвоенных горно-таежных кожуунах региона — Каа-Хемском, Тандинском и Тоджинском, которые и в настоящее время отличаются от других территорий отсутствием дорог и прочих коммуникаций (сообщение осуществляется по рекам)[6].

Изоляция от окружающего населения сегодня постепенно исчезает, староверы становятся полноценными членами общества. В труднодоступных горно-таежных районах Тоджинского и Каа-Хемского кожуунов зафиксированы лишь отдельные случаи проживания семей, добровольно отказывающихся от каких-либо контактов с внешним миром.

В верховьях Енисея была создана сеть поселений староверов, сохранившаяся и в настоящее время — Эржей, Верхний Шивей, Ужеп, Чодураалыг, Ок-Чары, Сизим, Бояровка; в них наблюдается традиционный бытовой уклад этой религиозной группы. В период существования Тувинской Народной Республики и советской власти некоторые староверы и духовные лидеры их общин были репрессированы, культовые сооружения и монашеские скиты закрыты и разрушены. В настоящее время ведется работа по восстановлению полноценного функционирования общин староверов (строительство храмов, создание религиозных общин и пр.).

В отличие от тувинцев староверы не тяготеют к созданию чабанских стоянок и занятию табунным коневодством. Продолжительное проживание в тайге создало предпосылки для формирования у них специфических форм хозяйствования: сбор, переработка и реализация дикорастущих ягод (дикоросов) и грибов, кедрового ореха (*«шишки»*), охота на диких животных, заготовка пушнины, рыбалка. Кроме того, в личных подсобных хозяйствах выращиваются крупный и мелкий рогатый скот, используемый не только для личных нужд, но и для продажи (мясо, молоко, шкуры, шерсть).

Но если до 2000-х годов домохозяйства могли обеспечивать себя с помощью этих промыслов, то сегодня староверы все чаще отказываются от традиционных занятий и трудоустраиваются на работу официально либо уходят в отходничество. Основными регионами отхода являются Приморский край (промысловая добыча рыбы), Тюменская область и Красноярский край (нефтегазовые месторождения).

6. Примечателен тот факт, что во время существования Тувинской Народной Республики (ТНР) в 1921–1944 гг. рассеянные по государству поселения староверов основали Русскую самоуправляющуюся трудовую колонию, которая находилась в составе РСФСР и обеспечивала внешнеэкономические связи ТНР и СССР (Харунова, 2011: 267).

Выводы

В заключении попробуем дать ответ на вопрос «Почему бедные регионы остаются бедными?». В случае Тувы стимулирование отставания обусловлено прежде всего выбранными приоритетами финансовой поддержки, а именно — упором на развитие мелких сельскохозяйственных производителей и, как следствие, сохранение аграрного перенаселения сельских территорий.

Выбор исключительно аграрного пути развития для Тувы чреват замедлением экономического роста и усложнением процесса выхода региона из категории бедных. Безусловно, традиционные виды деятельности необходимо поддерживать и приветствовать энтузиазм населения, однако вектором развития эффективнее избрать развитие промышленных и инновационных отраслей, сервисную экономику, которые способны расти более быстрыми темпами. Прибыль же, полученную от этих отраслей, лучше направить на развитие и технологическое переоснащение дотационного аграрного сектора (по примеру северных регионов Сибири).

Сегодня тувинское общество находится в точке бифуркации и переживает стадию поиска векторов социально-экономического развития региона. Из-за кризиса промышленности и коллективной системы наблюдается социально-экономический откат в сторону реставрации модели досоветского тувинского общества (номадизация населения, примитивизация сельскохозяйственного труда, расширение доли населения, вовлеченного в аграрный сектор, расширение неформальной экономики и пр.). Но тренду возрождения кочевого образа жизни противостоит усиливающийся отток трудоспособного квалифицированного населения из сельской местности, что приводит к пока неощущаемому сжатию сельских территорий.

Глобальный экологический тренд постепенно охватывает аграрный сектор России. Зародившийся в мелких хозяйствах, он постепенно добрался до крупных агрохолдингов. Распространение экологических практик в домохозяйствах не обошло стороной архаичный аграрный сектор Тувы, однако экологизация имеет здесь свою специфику и заключается в расширении традиционного сельскохозяйственного производства на базе личных подсобных хозяйств. Архаизация и низкий первоначальный уровень развития хозяйства тувинцев-скотоводов привели к использованию большого количества ручного труда в производстве сельскохозяйственной продукции и отказу от антибиотических средств и пестицидов.

Для возрождения традиционного уклада тувинцев и расширения сельскохозяйственной самозанятости населения в охваченных безработицей аграрноперенаселенных районах региональное правительство реализует ряд проектов, но их эффективность ещё не проверена временем.

Библиография

Анайбан З.В. (2014). Миграционные процессы в Туве в современный период // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 7. С. 63–70.

Балакина Г.Ф., Анайбан З.В. (1995). Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск: Наука.

Балакина Г.Ф., Кылдыгай А.Ч. (2015). Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН.

Бегзи А.Д. (2017). Экономика советской Тувы: достижения, проблемы и уроки // Новые исследования Тувы. № 4. С. 94–108.

Бреславский А.С. (2014). Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

Вайнштейн С.И. (1961). Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во Восточной литературы.

Гребнев Л.В. (1955). Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость. Кызыл: Тув. кн. изд-во.

Дыртык-оол А.О. (2017). Советские преобразования в Тувинской автономной области (по материалам экспозиций тувинского краеведческого музея) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 109–124.

Кызыл-оол Ч.Т. (1975). Овцеводство в Туве. Кызыл: Тув. книж. изд-во.

Монгуш С.П. (2015). Самозанятость сельского населения Тывы // Региональная экономика: теория и практика. Т. 15. Вып. 11. С. 2109–2122.

Нурзат А.А. (2014). Основные этапы коллективизации и перехода аратов на оседлость в Туве (1921–1944 гг.) // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. № 2 (82). С. 47–52.

Прокофьева Е.Д. (1954). Социалистические преобразования в Тодже // Ученые записки ТНИИ-ЯЛИ. Вып. 2. Кызыл. С. 37–51.

Райнерт Э.С. (2017). Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными / Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ.

Регионы России (2018). Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. М.

Республика Тыва в цифрах (2012): краткий стат. сб. / Тывастат. Кызыл. С. 52.

Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России (2003): Стат. сб. / Росстат. М.

Социально-демографический паспорт Каа-Хемского кожууна Республики Тыва по состоянию на 01.07.2019.

Статистический ежегодник Республики Тыва: стат. сборник (2016). Кызыл.

Татаринцева М.П. (2016). Старообрядцы в Туве в начале XX века и в период Тувинской Народной республики // Новые исследования Тувы. № 3. (31). С. 82–90.

Тиникова Е.Е. (2018). Трансформация городского расселения в национальных республиках Южной Сибири в середине XX — начале XXI века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 235–257.

Харунова М.М.-Б. (2011). Особенности модернизации тувинского общества // Мир науки, культуры, образования. № 5. С. 266–270.

Хертек Ш.В. (2017). Сельские домашние хозяйства в экономике Республике Тыва // Дискуссия. № 6 (80). С. 55–63.

Вопросы взаимоотношений коренных малочисленных народов Сибири с промышленными компаниями (опыт, практика сотрудничества, документы) (2009). URL: http://council.gov.ru/media/files/41d44f243f298c2efb01.pdf (дата обращения: 20.10.2019).

Голикова назвала самый бедный регион России (2019) // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20190214/1550848275.html (дата обращения: 25.10.2019).

Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва до 2020 г. (2018). URL: http://gov.tuva.ru/content/1602/ (дата обращения: 20.10.2019).

The multistructure of the contemporary ethnic region in Russia: Archaization, agrarianization and migration (on the example of the Republic of Tyva)

Timur Yu. Gusakov, Junior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru.

The article considers the features of the contemporary rural development of the Russian ethnic region on the example of the Republic of Tyva. In 2017, according to the official statistics, it was the poorest Russian region by the share of the rural population below the poverty line. This situation was determined by a number of factors exacerbating Tuva's economic depression: its being a periphery and its remoteness from economic centers, stagnation and impossibility to revitalize the industrial complex, destruction of the agricultural sector, a high share of the shadow economy, and so on. The reason for the economic stagnation is the agrarian path of Tyva chosen by the regional elites, which consists of the support for small archaic agricultural production as an ethnic type of activity. The article describes the vectors of the contemporary rural development of the Republic of Tyva, its economic and ethnic-social features, and changes determined by the large transfers from the federal budget to the regional economy. Today, there is spatial polarization and rural depopulation in the depressed agrarian regions, and the cities remain the main centers of population concentration (mainly the city of Kyzyl).

Keywords: agriculture, rural settlement, ethnic region, migration, spatial mobility, Republic of Tyva

References

Anayban Z.V. (2014) Migratsionnye protsessy v Tuve v sovremenny period [Migration processes in contemporary Tuva]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*, no 7, pp. 63–70.

Balakina G.F., Anayban Z.V. (1995) *Sovremennaya Tuva: sotsiokulturnye i etnicheskie protsessy* [Contemporary Tuva: Social-Cultural and Ethnic Processes], Novosibirsk: Nauka.

Balakina G.F., Kyldygay A.CH. (2015) *Etnoregionalnye modeli adaptatsii k rynku truda v Tuve* [Ethnic-Regional Models of Adaptation to Labor Market in Tuva], Kyzyl: TuvIKOPR SO RAN.

Begzi A.D. (2017) Ekonomika sovetskoy Tuvy: dostizheniya, problemy i uroki [The economy of Soviet Tuva: Achievements, problems and lessons]. *Novye issledovaniya Tuvy*, no 4, pp. 94–108.

Breslavsky A.S. (2014) *Nezaplanirovannye prigorody: selsko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetsky period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and Growth of Ulan-Ude in Post-Soviet Period], Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN.

Weinshtein S.I. (1961) *Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Tuvans-Todzhins. Historical-Ethnographic Essays], Moscow: Izd-vo Vostochnoy literatury.

Grebnev L.V. (1955) *Perekhod tuvinskikh aratov-kochevnikov na osedlost* [Transition of Tuvan Arats-Nomads to Sedentism], Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izd-vo.

Dyrtyk-ool A.O. (2017) Sovetskie preobrazovaniya v Tuvinskoy avtonomnoy oblasti (po materialam ekspozitsy tuvinskogo kraevedcheskogo muzeya) [Soviet transformations in the Tuva Autonomous Region (based on the materials of the expositions of the Tuva Museum of Local Lore)]. *Novye issledovaniya Tuvy*, no 4, pp. 109–124.

Kyzyl-ool Ch.T. (1975) *Ovtsevodstvo v Tuve* [Sheep Breeding in Tuva]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izd-vo.

Mongush S.P. (2015) Samozanyatost selskogo naseleniya Tyvy [Self-employment of the rural population of Tyva]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika*, vol. 15, no 11, pp. 2109–2122.

Nurzat A.A. (2014) Osnovnye etapy kollektivizatsii i perekhoda aratov na osedlost v Tuve (1921–1944 gg.) [The main stages of collectivization and transition of Arats to sedentism in Tuva (1921-1944)]. *Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva*, no 2, pp. 47–52.

Prokofieva E.D. (1954) Sotsialisticheskie preobrazovaniya v Todzhe [Socialist transformations in Todzha]. *Uchenye zapiski TNII-YaLI*, no 2. Kyzyl, pp. 37–51.

Reinert E.S. (2017) *Kak bogatye strany stali bogatymi i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi* [How *Rich Countries Got Rich* and Why *Poor Countries Stay Poor].* Per. s angl. pod red. V.S. Avtonomova, Moscow: Izd. dom NIU VShE.

Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Social-Economic Indicators] (2018). Moscow: Rosstat.

Respublika Tyva v tsifrakh [Republic of Tyva in Numbers] (2012). Kyzyl: Tyvastat.

Selskoe khozyaystvo, okhota i okhotnichie khozyaystvo, lesovodstvo v Rossii [Agriculture, Hunting and Hunting Economy, Forestry in Russia] (2003). Moscow: Rosstat.

Sotsialno-demograficheskiy pasport Kaa-Khemskogo kozhuuna Respubliki Tyva po sostoyaniyu na 01.07.2019 g. Statisticheskiy ezhegodnik Respubliki Tyva [Social-Demographic Passport of the Kaa-Khemsky Kozhuun of the Republic of Tuva as of July 1, 2019. Statistical Yearbook of the Republic of Tuva] (2016). Kyzyl.

Tatarintseva M.P. (2016) Staroobryadtsy v Tuve v nachale XX veka i v period Tuvinskoy Narodnoy respubliki [Old Believers in Tuva in the early 20th century and in the Tuva People's Republic]. *Novye issledovaniya Tuvy*, no 3, pp. 82-90.

Tinikova E.E. (2018) Transformatsiya gorodskogo rasseleniya v natsionalnykh respublikakh Yuzhnoy Sibiri v seredine XX — nachale XXI veka [Transformation of the urban settlement in the national republics of South Siberia in the middle of the 20th — early 21st centuries]. *Novye issledovaniya Tuvy*, no 4, pp. 235–257.

Kharunova M.M.-B. (2011) Osobennosti modernizatsii tuvinskogo obshchestva [Features of the modernization of the Tuvan society]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, no 5, pp. 266–270.

Khertek Sh.V. (2017) Selskie domashnie khozyaystva v ekonomike Respubliki Tyva [Rural households in the economy of the Republic of Tyva]. *Diskussiya*, no 6, pp. 55–63.

Voprosy vzaimootnosheny korennykh malochislennykh narodov Sibiri s promyshlennymi kompaniyami (opyt, praktika sotrudnichestva, dokumenty) [Relationships of small indigenous peoples of Siberia with industrial enterprises (experience, practice of cooperation, documents)] (2009). URL: http://council.gov.ru/media/files/41d44f243f298c2efb01.pdf (In Russ.).

Golikova nazvala samy bedny region Rossii [Golikova named the poorest region of Russia] (2019). URL: https://ria.ru/20190214/1550848275.html (In Russ.).

Strategiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Tyva do 2020 g. [Strategy of the Social-Economic Development of the Republic of Tyva until 2020] (2018). URL: http://gov.tuva.ru/content/1602 (In Russ.).